

ДОНИКАНА Тарасевич

ДЕВУШКА
С КОРОТКОЙ
СТРИЖКОЙ

— "ОТРАЖЕНИЕ"

16+

Даниил Сергеевич Гарбушев Девушка с короткой стрижкой. «Отражение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66573728

SelfPub; 2022

Аннотация

Вторая книга из трилогии жизненных рассказов о молодой блогерше Софии, однажды в детстве решившейся коротко подстричься.

Это решение остро отразилось на её жизнь. Многие родственники не одобрили её выбор, некоторые люди перестали с ней общаться. Но время идёт, она уже поступила в институт. В её аккаунте уже десять миллионов подписчиков. Что теперь, сможет ли она, так же твердо стоять на своём и в других более важных областях своей жизни. Живя и отстаивая всё тот же самый главный принцип жизни – право быть самим собой!

Даниил Гарбушев

Девушка с короткой стрижкой. "Отражение"

Гости уже собрались, набившись в зал квартиры, рассевшись на диваны и стулья, подпирающие праздничный стол. Мама Сони зашла к ней в комнату, спросив:

– Ну что, ты скоро? Все уже пришли.

– Не знаю, – вяло ответила Соня.

– Ну что ты? – спросила её мама, сев рядом и приобняв, положила голову ей на плечо, – ты это из-за тёти Вали?

– Нет, – страдальчески ответила Соня.

– Хватит, это твой выбор, и мы все это понимаем, по крайней мере, в этом нет ничего плохого, – сказала мама, погладив её по макушке, и вышла к гостям.

Через пять минут в зале появилась и Соня. Родственники собрались по случаю рождения Ульяны, третьего ребёнка в семье, приходящейся теперь младшей сестрой Софьи и её младшего брата Глеба. Заметив появление Софьи, они очень обрадовались. Она была одета довольно просто. Обычная девчачья футболочка, и бирюзовые шортики. Но главное – это небольшая косынка на её голове, смастерённая из цветного платочка.

– О привет Соня! – сказал дядя Стёпа, сидевший ближе всех к выходу, – как выросла, небось, самая красивая у себя в классе?

– Наверное, – как то очень скромно, и опустив глаза, ответила она, лёгким движением руки сняв с себя косынку.

Все замерли. Нет, они не уставились на Софью, они смотрели друг на друга, как и до этого, ведь то, что они узрели, было видно и невооруженным глазом бокового зрения. Соня была коротко подстрижена. Этот факт довольно сильно заинтересовал, даже взбудоражил всех присутствующих родственников в тот вечер.

Мнения разделились. Половина гостей считала это плохой и не нужной затеей, половина считала такое решение вполне оригинальной и даже весьма уместной идеей. Собравшиеся разговаривали о многом в этот вечер. Но все же самой главной темой оставалась новая Софьиная причёска. Все высказывались об этом довольно просто, совсем не стесняясь каких либо формулировок и предположений, при всём при этом, абсолютно не задумываясь о том, что среди них сидит сама Соня, и всё это слушает.

– Спасибо, – сказала она кротко, со звоном положив приборы в тарелку с недоеденным супом, – я накушалась, всем спасибо, всем пока.

В комнате повисла тишина, прерываемая лишь шагами пробирающейся к выходу Сони.

– Что это с ней? – спросила тётя Марина, когда Соня уже

ушла.

– Обиделась, наверное, – сказала мама Сони.

– Но на что, Наташ? – спросила она её.

– На что спрашиваешь? – ответила она с досадой, – да на всё, девочка – подросток, решила в себе что-то поменять, и все вокруг, в школе, на улице и даже у меня на работе, сразу: «Зачем, почему, ты чё?». А вы себя поставьте на её место... Не поставите, потому что и вы туда же, а всё потому что все мы такие «Похожие», чуть что не так, даже в маленьком, безобидном смысле, уже глаза на выворот, либо восхищение, либо осуждение. Да что я вам говорю, сама такая, все мы такие, и ничего с этим не поделаешь. А если человек и решился на что-то подобное, бог ему в помощь, если есть на то его воля.

Вечерний закат пылал леденцовым лучезарьем, холодным ветром встречая ребят, идущий по осенней алее, раскрашенной в алый и желтый цвет пёстрыми листьями густо разросшихся деревьев.

Соня шла рядом с Толей, крепко держась за его руку, звонко стуча своими миниатюрными сапожками по плиточной дорожке. В свою очередь, этот паренёк шёл ещё медленней, тем самым заставляя Соню почти тащить его за собой.

– Присядем? – спросил Толя, остановившись возле изящной скамьи, засыпанной совсем недавно опавшими листья-

ми.

– Давай, – легонько улыбнувшись, согласилась Соня, не отпуская его ни на секунду.

Семиклассники уселись, предварительно смахнув листья в сторону. Толя как-то невзначай высвободил свою руку из Сониной хватки, и сомкнув свои руки между собой, облокотился об спинку скамейки всем своим весом. Соня подседела поближе, прислонившись к нему, будто уже чувствуя какой-то подвох.

– Холодно? – как-то по чужому произнёс Анатолий.

– Да, прохладно, даже прохладнее чем вчера, – сказала Софья, с ужасом обнаружив, как тот смотрит совершенно в другую сторону, а не на её – что происходит Толь?

– Это я должен тебя об этом спросить, – взглянув ей прямо в глаза, недовольно сказал он.

– А что не так?

– А ты не догадываешься?

– Это связано с тем, как я подстриглась?

– Вовсе нет, а может быть и да, но если быть точнее, не совсем.

– Что ты имеешь ввиду?

– А то, дело в нас самих, – сказал он, глубоко вздохнув, скорее даже не от волнения, а от совести, мучающей его в этот момент, – короче говоря, нам пора расстаться.

– Как, почему, что не так? – спросила Соня, с нарастающим волнением, – за что?

– Да не за что! – резко встав, воскликнул Толя, – не за что, ты что думала, я с тобой навсегда?

– Да, а что в этом такого?

– Да ничего, в том то и дело, что ничего, оглянись вокруг, – сказал он, расставив руки в стороны, – щас никто так долго не встречается. Если честно подумать, какие сейчас у нас могут быть серьёзные отношения, в четырнадцать то лет? Мы с тобой уже год продружили, а многие на нашем месте уже по три раза разбежались.

– Но мы же не они, я ведь тебя... – заныла Софа, закрывая лицо руками, чуть ли не расплакавшись.

– Не надо, не надо, пожалуйста, – перебил он её, встав рядом с ней на корточки, ухватившись за её локоть, – я же тебе не враг, мы просто не сошлись характерами.

– Да какими ещё характерами, мы ещё даже не знаем друг друга как следует.

– Вот именно, поэтому и незачем продолжать, пока не поздно. Так что извини, извини, и не плачь, пожалуйста, не плачь, всё будет хорошо, – сказал он, вновь сев с ней рядом, взяв её за руки, – всё будет хорошо, обещаю, давай не плачь, и я тебя провожу.

По дороге домой Соня смахнула свои чуть проступившие слёзы, немного успокоившись и перестав плакать. Но как бы то ни было, она просто не верила в это, что всё это происходит именно с ней. В дали забрезжил подъезд её дома. В этот самый момент у неё закружилась голова, и ощущение самой

жизни в ней было подобно нахождению в самом сердце глубин небытия.

Ей казалось будто, что Толя, теперь уже её бывший парень, провожающий её к дому, был одет в форму офицера вражеской армии времён второй мировой войны. А она в полосатую униформу заключенного концлагеря, и сей подъезд впереди, теперь был некой газовой камерой, с непроглядной тьмой внутри себя, пугающей, но и не отпускающей, чей либо взгляд, направленный в её глубины.

Толя довёл Соню до самого дома, и взяв ключ из её трясущихся рук, открыл дверь, после чего медленно завёл Софью внутрь, и обнял её в последний раз.

– Не глупи, всё будет хорошо? – последнее, что сказал он, погладив её по чёлке.

Через несколько секунд подтягиваемая пружиной дверь захлопнулась, и Соня оказалась в полнейшей тьме, ещё немного разбавленной звуком сработавшего дверного магнита.

Дойдя до конца первого лестничного пролёта, она неожиданно пришла в себя.

– Да как же так, что всё это значит, этого не может быть, – закричала она, побежав по лестнице обратно, с надеждой, что всё ещё можно вернуть.

Наступив на последнюю ступеньку, и вновь оказавшись в полной тьме, Соня случайно споткнулась, и потеряв равновесие, повалилась на корточки, больно впечатавшись лбом в

железную дверь подъезда. Не в силах даже сказать и слова, она лишь прижалась к холодной двери, услышав за ней чей-то голос.

– Ну что Толь, ты всё же решился на это? – спросил посторонний голос.

– Да, чё я не мужик что ли? – ответил Толя.

– Как, это всё ещё Толя, здесь за дверью, – тихим шепотом, почти про себя сказала Соня, пытаясь нащупать кнопку открытия двери.

А разговор тем временем продолжался.

– А ты чё её, совсем бросил? – спросил третий голос.

– Ой, ты её видел? – с упрёком спросил того Толя.

– Ну видел, вроде не дура, и далеко не уродина.

– А волосы? – спросил второй голос.

– Чё волосы? – удивленно спросил в ответ третий.

– Ну ты вообще даёшь, – сказал Толя, – она же под парня подстриглась! Ты чё не в курсе?

– В курсе, и что теперь, из-за этого её бросать?

– А то! Как я буду пацанам в глаза смотреть, когда моя тёлка даже не с Каре, а лохматая чушка какая-та.

– Ну ты даёшь, – поражаясь, произнёс все тот же третий голос, – это небось тебя на это пацаны настроили. Если так, то вы ребят вообще какие-то ненормальные. Сколько актрис ходят с короткими волосами, сколько моделей. Это ведь ничего не значит, и если уж она постриглась коротко, это ещё не значит, что она...

– Знаешь что? – заорал Толя, схватив его за грудки, швырнув об дверь, – если ты такой умный, так иди и встречайся с ней, слабо, да?

– У меня уже есть...

– Ха, все так говорят, – перебил его второй, – даже те, у кого нет!

– Глупый ты, ой глупый, – сказал третий в ответ, пытаюсь освободиться от Толиной хватки, что так и держал его за молнию куртки, – сколько тебе говорили, не слушай ты их, они все друг друга по очереди в могилу сведут, и тебя следом. А она, твоя Соня, хотя уже не твоя, то единственное, что было в твоей жизни самым светлым лучом надежды...

– Да пошёл ты, – перебил его Толя, хорошенько потрянув, и вновь ударив того затылком об дверь подъезда, от чего та вся затряслась, передав вибрацию на внутреннюю сторону, что даже Соня её почувствовала.

– Пошли, – как-то совсем безразлично к третьему, сказал второй, после чего вдали послышались их затихающие шаги.

– Эх, – кое-как отходя от удара, сползая на асфальт, скользя по двери спиной, простонал третий, сказав, – и все-таки хорошо, хорошо, что ты рассталась с этим козлом, Соня, будь счастлива, и своё пожнёшь однажды.

Соня чётко услышала эти слова, и в следующую же секунду воспрянула духом, и радостно хлопнув по двери ладошкой, медленно, но уже с новыми силами поднялась по лестнице в свою квартиру. Третий, услышав этот стук, удивлённо

обернулся в сторону двери, но увидев, что никто не выходит, встал с земли, и тоже побрёл к себе домой.

Календарный лист сменился на следующий. Софии исполнилось восемнадцать. Рассвет самой юности. Фигура её, как и всегда, была стройной, но всё же слегка худощавой. «И всё же, лучше так, и не как иначе», – говорила она сама себе, смотрясь в большое зеркало, установленное в её комнате. Новый чёрный купальник шёл ей так же, как и тот, что она купила в семнадцать, в основном купаясь до того времени в шортах и топике.

Близилась осенняя поездка на вновь открывшийся Видфест. Она твердо решила, что поедет, ни смотря ни на что, даже на так и всплывающие вспоминая о событиях произошедших прошлой весной, непрестанно подтачивающие её уверенность.

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо Соня, просто будь сама собой, – приговаривала она сама себе по утрам, похлопывая щёки, после умывания.

Ну вот, час настал: прощание с родителями, младшими братом и сестрой, и она уже летит в самолёте. Уши к удивлению в этот раз не заложило.

В аэропорту Соню уже встречали её старые знакомые тиктокеры, с которыми она провела прошлое лето. Но все же теперешняя присущая ей осторожность брала своё. Плохо

освещённые участки улиц София либо избегала, либо быстро прошмыгивала на своих двоих, как «Невский проспект», всё также избегая подворотен, что со стороны могло показаться лёгкой фобией.

Первый день открытия Видфеста стремительно приближался и наконец настал. Зайдя на мероприятие в качестве первых приглашённых гостей, Соня появилась на людях в своём незабываемом стиле: в классических бриджах, белоснежной блузке и в изящном черном пиджаке. И как всегда со своей идеально уложенной короткой стрижкой дополняемой вечерним макияжем.

Встречи со многими деятелями столь распространённого творческого движения, как «Блогинг», оставила в её разуме неизгладимую уверенность в том, что она там, где надо, хотя и раньше София никогда не сомневалась ни в чём подобном.

Где-то к середине вечера, часов к семи, в здание явился Вячеслав Александрович. Узнав о приблизительном местоположении Софии, он хитро взглянул вглубь Экспоцентра, слегка пригладив свои совсем недавно подровненные в местном барбершопе усы, и легонько почесав свою редкую бородку, направился в её сторону. София в это время разговаривала с тремя давно знакомыми ей блогерами, двое из которых были девушки, а третий парнем, совсем немного похожим на Ивана Рудского.

Обойдя Софию со спины, Вячеслав Александрович, одетый в классическую тройку, со свисающей с шеи плакеткой,

характеризующей его как писателя, наконец, обратился к ней с приветствием:

– София, здравствуйте, – сказал он, протянув руку.

– Здравствуйте, здравствуйте, – мило ответила она, радостно пожав его за руку, – чем обязана?

– Совсем ничем, рад познакомиться с вами в столь непри-
нуждённой обстановке, а главное лично.

– Что вы имеете ввиду?

– Не через видеосвязь, – ответил он, улыбнувшись.

– А как вас... – хотела было договорить Соня свой вопрос, но взглянув на плакетку, застыла на месте.

– Понамарёв Вячеслав Александрович, для вас, просто
Слава.

– Ах вот ты какой! – укоризненно произнесла она.

– Вы тот самый молодёжный писатель, – сказала одна из
рядом стоявших блогерш, – известный по роману: «Помпеи
двадцать первого века»?

– Да, тот самый, но здесь я по другим причинам, ведь и
блогеры люди, о которых также возможно написать очень
много, – ответил он, смотря на Софию, уже скрестившую
руки на груди, и немного оскалившую зубы.

– Ну тогда рады знакомству, и в таком случае оставим вас
на время, раз вы пришли поговорить с Софией, – сказала
вторая блогерша, пожав ему руку, уходя, забрав с собой и
других собеседников, из-за чего уже через минуту, Вячеслав
с Софией были одни.

– Так уж сразу на «ты»? – спросил он её.

– Конечно на «ты», – взвыла она, – ты, ты пишешь обо мне рассказы, обнажая мою душу перед всеми, кто только вас читает!

– Ну что вы София, успокойтесь. Сколько раз я объяснял, что в моих рассказах совсем не вы, что ты лишь прототип.

– Ну всё же, все поняли что это я! Хотя ладно, прости, вспылила, – сказала она немного остыв, что явно давалось ей с трудом, при всех её попытках.

– Пройдёмся? – предложил Слава.

– Давай, – согласилась она.

Не прошло и пяти минут, как они весьма хорошо разговорились, идя вдоль бокового зала.

– Не думала, что познакомлюсь с вами таким простым образом, – сказала Соня, смотря перед собой.

– Бывает, а ты если я правильно понял все же ознакомились с моей повестью, вещь о которой, как я думал не дойдёт до тебя никогда.

– Почти сразу, а точнее где-то через полгода после того как ты издал её. Скажи только, зачем ты это сделал?

– Понимаешь, я до этого писал о многом, и все мои герои более вымышлены, чем реальны, тем более я в большей степени писал о парнях, наверно потому что я мужчина, и психологию парня мне легче понять, чтобы описать её в своём произведении. И вот, мне очень хотелось написать что-нибудь с женкой стороны, хотя некоторые попытки уже были в

моих нынешних произведениях. И тут мне подвернулась ты, такой открытый и всеобъемлюще рассказывающий о своей жизни человек. И, о Эврика, тот самый материал, что мне так нужен. Сонь, не подумай обо мне плохо, я вовсе не алчный человек, но ты для меня лишь материал – источник неотъемлемой части моего творческого пути.

– То есть, как на девушку, ты никогда бы не взглянул на меня? – спросила она грустно, из-за чего они оба остановились, встав друг напротив друга.

– Извини Сонь, не взглянул бы, поздно об этом говорить, когда в сердце уже живёт одна единственная, – ответил он, на что Соня опустила глаза, резко развернувшись от Вячеслава.

– Ну что ты? – спросил Слава, протянув свою ладонь к её плечу.

– Не трогай! – воскликнула она, резко дёрнув плечом, не дав, даже прикоснуться к ней.

– Ах да, прости, ты же говорила, что ты не тактильный человек.

– И всё то ты знаешь, небось, все, что я говорила, всё, что писала в своих тик токах, всё изучил, всё запомнил? – сказала она с досадой, резко повернувшись обратно, – ну зачем, скажи зачем, чтобы мучить меня, издеваться надо мной приехал?

– Нет Сонь, я вижу, к чему всё идёт, сущая неизвестность дальнейшего, да и только, я и сам угнетаем реальностью. Я ведь приехал сказать, что я восхищаюсь тобой, твоя сила во-

ли, целеустремлённость, ты пример для меня, во много, за исключением...

– За исключением чего?

– Неважно. Важно одно, не знаю, какой будет твоя дальнейшая жизнь, но только лишь ты знаешь, что будет, если ты не угаснешь, а и дальше будешь бороться с этим периодически возникающим унынием, я и сам через это прошёл, я знаю...

Соня не дослушав, с разбегу крепко обняла его, обхватив за шею, на что он лишь по дружески похлопал её по спине, сказав:

– Всё будет хорошо, и ты будешь счастлива, и я буду счастлив, главное не останавливаться и жить данной нам жизнью, а счастье придёт, обязательно.

«Академия маркетинга и социально информационных технологий», – красовалась неприглядная вывеска на входе довольно простого, но в то же время одновременно величественного здания учебного заведения, из которого после пяти очередных пар, по ступенькам вприпрыжку выходила София.

– Сонь, ты сегодня придёшь, али как? – спросила её, еле догнав, Лиана, светловолосая однокурсница, с треугольными, как кусочки пиццы очками.

– Не-а, мне сегодня позарез нужно выучит «общество»,

завтра последняя суббота, пересдача, – ответила Соня, обратив на неё внимание.

– Да сдалась тебе эта пересдача, с утра выучишь, – сказала Лина беззаботно, – твоя учеба никуда не убежит, а вот Миша может!

– А вот с этого момента поподробней, – сказала Софа, принявшись внимательно слушать, идя уже вместе с ней к остановке.

– Как? Ну ты даёшь подруга, ты притворяешься или и вправду не знаешь?

– Не знаю что? – широко улыбнувшись, светя своими белоснежными зубами, спросила Соня.

– Ну серьёзно, ты чё не в курсе, что Миша запал на тебе?

– А что тут удивительного, скажи мне пожалуйста, Линь, с того самого момента, когда учащиеся здесь узнали, что я буду их сокурсницей, половина из них тут же запала на меня, исключая по не понятным причинам другую половину, что почему-то просто пытаются меня избегать, хотя я никогда не строила из себя «ЧСВ», и вовсе никого не отгоняла от себя...

– Это всё понятно, – перебила её Лиана, – то что ты общительная, добрая и совсем не высокомерная девочка, это всё мы знаем. Но Миша, – заскулила она, как маленькая собачка, – это другое. Он особенный. Говорят он такой хорошенький в постели.

– Что значит говорят?

– Ну, то и значит, он очень успешен среди девушек.

– Выходит и ты была с ним?

– Ну, – задумчиво протянула Лиана, – не совсем. Нам немного помешали в тот раз, но это уже и неважно в принципе, так как если ты теперь с ним будешь, мне лучше тебе его уступить.

– В смысле буду? – страшно удивлённо спросила Соня, – в смысле уступить, ты чё больная, вы, что там с дуба рухнули что ли? Он значит ходит на лево и на право, меняет девчат своих, как одноразовые перчатки, спит с каждой, какая только ему встретиться и понравится. И лишь потому что он такой красивый и знойный, я теперь должна быть его очередной сучкой?

– Ну почему же, почему сразу сучкой, может он на тебе и остановится, может это любовь?

– Любовь говоришь, – закипая от столь переполняющего её недовольства, произнесла Соня, – да вы там все наверно, дуры набитые, и непонятно чем даже. Подумать только: «Может это любовь?». Сука, как же это глупо, даже тупо. Зачем мне этот Казанова, которому от меня сто пудов нужна не я, а моё тело. Нет, подруга, держите карман шире, чего-чего, а уж такого унижения в своей жизни мне не надо.

– Ну не знаю, не знаю, подумай до вечера, пока ещё время есть, вдруг надумаешь, – сказал Лиана Соне, подмигнув и легонько схватив её за руку, когда та уже заходила в автобус.

– Ага, вот я вас и подловила, вся эта вечеринка для того и организуется, чтобы меня опозорить, причинить боль и ис-

пользовать! Так что оставь его себе, – ответила Соня за секунду до того, как дверь автобуса захлопнулась.

– Ну и дура ты, в самом деле, больно бывает лишь в первый раз, – сказала Лина в след, уже отъезжающему от остановки, автобусу.

Автобус нёсся по декабрьскому городу довольно быстро, пробуксовывая на остановках и поворотах по лишнему метру, чуть ли не создавая аварийную ситуацию.

– Тоже мне, нашли суку, – думала Соня, уже подъезжая к дому, – мало того что не по любви, так ещё и с кем, с ловеласом этим что ли, перед которым любая ноги раздвинет? Да потому что сучки, не цены, ни совести, ни стыда у них, ни чести!

– А может Соня и права, – думала в это время Лиана, уже сидя, всё на той же остановке, ожидая свой автобус, – что это мы все, с ума, что ли походили? Ни чести, ни собственного достоинства, так все и лезем к этому Мишке. А он что, так и рад удружить. А по сути что он, кто он? Вообще никто и ни что! Денег у него куры не клюют, да и только. А Соня не такая, совсем не такая, как мы. Она думает, прежде чем, что-либо делать. Она себе цену знает, и не позволит пойти на поводу столь заманчивого и приятного, после чего «сожалей до смерти» называется.

До необходимой остановки оставалось буквально полминуты, и Соня, встав со своего места, подошла к выходу, легко обхватив поручень своей худощавой рукой. Автобус

полностью остановился, туго затормозив, зарыв тем самым свои массивные колёса в свежую слякоть. Соня уже отпустила поручень, собираясь выходить, как автобус вновь забуксовал, совершив резкий толчок вперёд, из-за чего она тут же полетела назад, шибанувшись затылком об ступеньку, упав на грязный пол.

Кондукторша тут же подбежала к ней, пытаясь помочь встать. Но Соня не поддавалась чужой помощи, оказавшись почти не в сознаний. Пришла она в себя более-менее, только уже сидя на остановке, ошарашенным и непонимающим взглядом осматривая всё вокруг.

– Что всё это значит? – подумала она, кое-как вспоминая, что происходило с ней совсем недавно.

Напомнилось, как кондуктор аккуратно подняла её с пола, и выведя на улицу, посадила на остановку, приложив к затылку комочек снега, после чего нырнула обратно в свой автобус, и безвозвратно уехала.

– Как со мной могли так поступить? – сказала она заплетаящимся языком, оттирая снегом грязь с куртки и сумки.

Кое-как доковыляв до дома через, как некстати, разразившуюся снежную бурю, она упала на коврик в прихожей своей квартиры, и сев на пол рядом с обувной тумбочкой, задремала, облокотившись головой об столик.

Примерно через час домой из школы вернулся Глеб.

– Сонь, ты чего? – спросил он её, трясая за плечо.

– А, это ты, ничего-ничего.

– Тебя что побили? – спросил он, рассматривая пятна грязи на её одежде.

– Нет, упала в автобусе просто, – сказала она, встав с пола, медленным шагом направившись к себе в комнату.

– Ударилась? – спросил он её вслед.

– Немножко.

– Может скорую?

– Нет, не надо, сейчас чего-нибудь холодненького приложу.

Помывшись в душе, и сбросив грязную одежду в контейнер для белья, Соня снова пошла в свою комнату, и только лишь положив голову на подушку, опять задремала. А за окном всё сильнее и сильнее шел мокрый снег, подхватываемый сильным ветром, оставляющим на стёклах окон тающее месиво слякоти.

Проснувшись часа через два, Соня как ошпаренная вскочила с кровати, мигом рванув к учебникам. Состояние её было как никогда лучше, затылок больше не ныл, а ум ясно впитывал информацию, содержащуюся на страницах учебников.

– Так, нужно сделать перерыв, – подумала она, сходя на кухню за ананасовым соком. Вернувшись в комнату с полным стаканом сока, Соня взяла телефон, и усевшись на кровать, обнаружив новый чат в ВК. Писал Миша:

– Ну что придёшь сегодня?

– Знаешь что Миш, я всё знаю! – ответила она ему.

– Что именно, ты о чём?

– О твоих намерениях.

– Ну хорошо, это даже к лучшему, разве ты против?

– Против чего?

– Против того, что ты так хорошо знаешь!

– Да, именно, против. Я не хочу быть твоей очередной девочкой на ночь.

– Ну и дура, сама не знаешь, от чего ты отказываешься.

– Нет, знаю, – написала она, допив сок, и промахнувшись мимо стола, уронила свой пустой стеклянный стакан, что к удивлению не разбился, а лишь звонко стукнулся об пол, укатившись к окну.

– Да??? – написал он, со смайликом, изображающим удивление, – значит, ты уже была близка с подобным мне парнем? Ну как у вас там всё закончилось?

– Нет, не была, и скажу тебе прямо, видимо к счастью, потому что я знаю себе цену, в отличии от тех девах, которых ты так непрестанно чпокаешь, по живой очереди и по талонам. А я, как бы тебе не хотелось, не стану их жалким подобием. Всё, тема закрыта. Конец связи, – написала она, удалив чат, но оставив Мишу в друзьях, не кидая его в чёрный список.

«Всем привет, – начала Соня своё новое разговорное видео, – сегодня на улице метель, а у меня завтра пересдача по обществознанию, так что сниму для вас сегодня парочку тик токов, и учить, учить, и ещё раз учить, чтобы с чистой

совестью закончить этот семестр. Мяс!»), – завершила она своё видео, вновь очень близко поднеся к своему лицу камеру смартфона.

Недолго раздумывая, Софья принялась снимать второе разговорное видео:

– Знаете что, сегодня я задумалась о цене и вообще о чувстве собственного достоинства. Вот вы сами подумайте, если вам предлагает отношения весьма очень красивый и статный парень, но у него до вас девчонок просто море – жуть, да он ещё и меняет их как бахилы, согласились бы вы?.. Я нет! Знаете, потому что я смотрю на эти вещи трезво, и: «Вот, может он на тебе остановится, и это будет любовь на века», я думаю, нет. А если не будет? Кто мне восполнит всю эту боль за то, что меня просто использовали в своих целях, кто? Ответа нет... Я решила для себя, что нет, это не моё – пытаться кому-то очень сильно понравится, даже в ущерб своим принципам. Это настоящее унижение. А так всё просто, если это не твой человек, значит, так тому и быть, не надо здесь глупить, то есть надо всегда прежде думать, и правильно всё решать. А если это ваш человек, значит, всё сразу будет понятно, или почти сразу. Короче, всегда думайте, а не бросайтесь куда попало и без разбора, чтобы не сидеть потом с разбитым корытом.

Видео довольно долго не загружалось, видимо из-за своей длины. Когда наконец на экране высветилась заветная галочка загрузки, София тут же приготовилась снимать тик ток.

Установив смартфон на штатив своей кольцевой лампы, и включив новую трендовую мелодию для танца, её руки, ноги и тело, задвигались в безудержный такт. Было хорошо заметно, насколько более окрепшим и взрослым стало её девичье тело, по сравнению хотя бы с тем временем, когда ей было семнадцать.

Как вдруг под ногами оказалось что-то круглое, холодное и скользкое. Это был тот самый стакан. Соня поскользнулась об него, тем самым запустив его в стену, от чего тот наконец разбился, с ужасным треском, звенящим на всю квартиру.

Софья потеряв равновесия, упала на пол, ударившись об него вновь своим затылком, задев ногами штатив, из-за чего с того свалился смартфон, так же шмякнувшись на пол, подкатившись под её левую руку. Ужасное чувство вновь сковало её тело, лишив её сил, что Соня уже почти не могла пошевелиться.

– Что случилось? – закричал Глеб, забежав в комнату, увидев валяющуюся на полу Соню, из-под головы которой текла кровь, – кровь! Я сейчас скорую вызову, – судорожно сказал он, убежав за телефоном на кухню.

Она ничего не ответила, продолжая лежать на полу. Только лишь и сумела она протянуть свою ладонь к затылку, чувствуя, как пальцы мокнут в её собственной крови. Телефон всё это время снимал. Соня подняла руку вверх, разглядывая окровавленную конечность, поле чего всё же нащупала телефон под своей рукой, случайно нажав на публикацию полу-

чившегося видео. Не прошло более и минуты после этого, как она потеряла сознание.

Скорая помощь неслась по улице приморского города, наравне с почти закончившимся бураном, после которого наступил полный мрак, покрываемый тихим шепотом, мягко падающих хлопьев снега, кружащихся в безветренной атмосфере.

Ах, – простонала Соня, открыв глаза, увидев расплывающееся изображение всего, что было вокруг.

Она лежала в палате, с перемотанной головой, но свободных от бинтов лицом и чёлкой. Над её кроватью возвышалась капельница, чётко исполняющая свою роль, подавая раствор в её вену.

Соня понемногу начала приходить в себя. Зрение становилось чётче. Вернулось ощущение тела, пройдясь медленным импульсом от самых пяток до макушки, как течёт неторопливая река, ударившись во всё тот же затылок, с ещё немного стылой болью. Ощущение вернулось и в руки. Она почувствовала, как кто-то держит её за них. Немного повернув голову влево, Соня увидела Маму, нежно сжимающую её ручку, и крепко дремлющую, положившую свою голову на край её кровати.

– Мама, – тихо, с трепетом позвала её Соня.

Мама тут же проснулась, уставившись на Соню, с волне-

нием, переполняющим её всю.

– Соня... – с наворачивающимися слезами, вымолвила мама, – пришла в себя? Сейчас я доктора...

– Мама, – всё таким же слабеньким голосом Соня перебила её, пытаясь удержать, – не надо... Что со мной?

– Всё в порядке, – вновь присев рядом, не отпуская её руку, ответила мама.

– Нет, всё-таки, что со мной?

– Всё в порядке, ты упала, ударилась, теперь всё хорошо.

– Сколько?

– Что сколько, доченька?

– Сколько я спала?

– Ровно день, – ответила мама, после долгого молчания, опустив глаза, – ты подожди немножко, я сейчас, – сказала она, отправившись за врачом.

По щекам Сони потекли слёзы. Она всегда знала и верила, что её близкие всегда будут ей поддержкой и опорой, и в чём она в который раз убедилась. Она попыталась вытереть слезу рукой, но на пальце оказался пульсометр, из-за чего она просто облокотилась назад, пытаясь не плакать, но слёзы унять никак не удавалось.

Вскоре явился врач, осмотрев Соню, проверив рефлексы, и поздравив с приходом в себя.

– А что вы плачете? – спросил он, проведя по её щеке пальцем, – всё же к лучшему.

– Неважно, хотя наверно как раз, потому что всё к лучше-

му, – ответила она, заикаясь.

– Ну как она? – спросила врача мама.

– Всё отлично, будет прыгать по-прежнему, – сказал он ей, вновь сидевшей рядом, держащей Соню за руку.

Позже вечером приехали папа с Улей и Глебом. Соня к тому времени чувствовала себя уже намного лучше.

– Ну да я помню, что упала, но что же случилось? – спросила она родных.

– Поскользнулась об стакан, сильное сотрясение у тебя, да ещё и ушиблась до крови. Это Глеб скорую вызвал, хорошо он дома был, – ответил папа.

– Спасибо Глебушка, – сказала Соня, разлохматив его волосы, – ты прости меня, что я тогда на тебя накричала, когда ты без спроса ко мне в комнату зашёл.

– Да ладно тебе, что было, то было, ты же тогда тик ток снимала, а я помешал.

– Ну а теперь-то нет, что было бы если б ты не... – сказала она, закорчившись то ли от боли, то ли от вновь нахлынувших слёз.

– Ну ладно уж, не плачь, – сказал резво Глеб, приобняв её, – теперь то всё уже в позади. Ты же у нас самая сильная, самая выносливая, всё перенесёшь, и это тоже пустяк для тебя.

– Лишь благодаря вам, – сказала она, обнимая Глеба и Ульянку.

Прошло уже около двух месяцев с тех пор. Соню выписали, шрам на затылке от наложенных швов почти полностью затянулся, обрастая новыми густыми волосами. Голова не кружилась, и состояние Софы в целом было таким же, как и прежде.

Оказавшись на ступеньках своего института лишь в предпоследний день февраля, Соня почувствовала, как что-то терзало её разум. Как-то не спокойно было на душе. Она обернулась, взглянув на припаркованные рядом с институтом автомобили, мельком оглядев их однообразные черты и всю улицу в целом.

В следующую же минуту к институту подошли две её однокурсницы, к слову, ни разу не посетившие Соню, пока та лежала в больнице. Конечно, её посещали её друзья из Москвы и Казани, несколько бывших одноклассников и одноклассниц, в числе которых были Вика и Лиза, но к удивлению из института никто даже не вспомнил о ней, по крайней мере, никто из них даже не позвонил.

– Привет Сонь, – поздоровалась с ней Варя, протянув руку, удивлённо осмотрев Соню с головы до ног.

– Приветик, – с такой же интонацией удивления, сказала Света.

– Привет девчат, – сказала Соня радостно, борясь с всё той же тревогой, крепко обняв их, что по отношению к ней было относительной редкостью, из-за её не тактильности.

– А ты, я вижу, выздоравливаешь? – сказала Варя поднимаясь с девочками по ступенькам.

– Ну да, есть такое... – ответила Соня.

– А тут такое было, – широко раскрыв рот, произнесла Света, – ну мы тебе, короче, всё расскажем...

– То есть как вспорола вены, из-за того что отказалась? – не удивлённо, а даже гневно, спросила девчат Соня, когда они уже стояли в коридоре через десять минут.

– Да, выходит что так, – пояснила Света, – я тебе о том и говорю. То самое видео, на котором ты сперва танцуешь, а потом падаешь, роняя телефон, после чего в кадре появляется твоя окровавленная рука, посмотрели все твои десять лямов подписчиков, и даже больше.

– Как, какое ещё видео? – схватившись одной рукой за голову, а другой, ища в своём смартфоне последнюю публикацию, воскликнула Соня, – в действительности... Кровь! – сказала она, просмотрев это видео полностью.

На экране было ясно видно, как она начала танцевать, после чего поскользнулась, и упала после оглушительного грохота разбивающегося об стену стеклянного стакана, затем объектив зашатался, и кубарем полетел к ней под мышку. А дальше вскоре в кадре показалась Сонина окровавленная рука, тянущаяся к потолку, медленно разглядываемая ею. На этом видео завершилось, и только один лишь счетчик количества просмотров и комментарием приводил в ужас – около пятнадцати миллионов просмотров, и семь миллионов ком-

ментариев.

– Как? – подняв на них глаза, спросила девчат Соня, – как это возможно? Может я опубликовала его по ошибке, или может оно вышло автоматом.

– Ну как бы там ни было, подруга, – перебила её Варя, – именно ссылаясь на это видео, Миша и растрепал эту историю, скинув в общий чат института, вашу с ним переписку, сказав что из-за того что ты отказалась от его предложения, потом себе вены и вскрыла.

– И все поверили? – с выпученными глазами, на резком выдохе, спросила их Соня.

– Эх, – вздохнула Варя, – представь себе не все, но большинство. На видео ясно видно, что ни какие вены ты не вскрывала, но кто будет думать об этом, когда такое рассказывает сам Миша, тем самым пустив невероятную сплетню по всему институту.

– И оно, как сама понимаешь, бывает, – сказала Света, – ложь, сказанная сто раз, становится правдой.

– Ну, вы то умные девочки, вы же не...

– Мы то умные, – опять перебила её Варя, – мы то сразу поняли, что это развод, и бредятина полная, и другие девчата и парни тоже поняли, что это Мишина попытка отомстить тебе за столь испорченный вечер, но сама понимаешь, не все такие умные.

– Понимаю, – с досадой сказала Соня.

– Так что, увидишь его, залепи ему ладошкой в его наглуую

морду, чтоб знал!

– Нет девчат, чё ему эта пощёчина, как мёртвому припарка, когда он такой ублюдок. У меня другая тема для него найдётся.

– И что же? – в один голос спросили её девочки, так любопытно, что их белки глаз будто бы сверкнули фосфором.

– Что-нибудь придумаю, – ответила Соня, ухмыльнувшись своей фирменной улыбкой.

Через минуту началась пара и девчата неторопливо зашли в кабинет. Учительница по физике поприветствовала Соню, выразив свою радость о её выздоровлении.

Ближе к концу пары, когда все студенты выполняли самостоятельное задание, физичка невзначай подошла к парте Софьи, спросив:

– А ты Сонь чего это так?

– Вы о чём? – растеряно спросила Соня в ответ.

– Ну, я понимаю, в душу я к тебе не лезу, но спрашивается, зачем ты так, такая знаменитая, и вены режешь?

– Ха, – невольно вырвался нервный смех у Сони, – и вы туда же, и до вас это дошло, и вы, я полностью уверена, прекрасно знаете, насколько это непроверенная информация.

– Да, но как же...

– А вот так же, если вы и видели это видео, сто пудов вы не видели его полностью. И с венами у меня всё в порядке, вот взгляните на мои руки, нет, взгляните, ничего нет! А то, что со мной произошло вообще не ваше и ни чьё собачье дело,

хоть на самом деле я всего лишь просто упала и ударилась затылком об пол, случайно загрузив это в сеть.

– Понятно, что ж, просто я и другие учителя за тебя распереживались, но если на самом деле всё хорошо, я лишь рада за тебя, – ответила учительница, будто бы поставленная на место, скромно возвращаясь к своему столу.

– За себя порадитесь! Уму непостижимо, что и до вас, до взрослых учителей дошла эта сплетня, даже не столь главное о чём, важнее кем, рассказанная.

Самое интересное было впереди, на следующей перемене. София вышла из аудитории, направившись в центральный коридор института. Широкое для мечты и для мысли помещение уже было заполнено стоящими возле подоконников, сидящих на лавках, и просто бродившими туда и обратно студентами. Как только она оказалась в их поле зрения, почти все как-то замерли.

«Самоубийца. А, да, эта та малая. Вишь, жива, не захотела своих подписчиков бросать. Небось, родня остановила», – поползли в толпе слушки, перерастающие из шепота в мерзкий крик и обратно.

Как вдруг кто-то из толпы прокричал, – «Суицидница!!!», после чего повисла новая волна тишины. «И как так только можно?», – сказал уже кто-то другой, но уже намного тише. «И как не стыдно?», – сказал уже явно женский голос, изначально нежны и милый, но до уродства искажённый интонацией. «Самоубийца, самоубийца, самоубийца», – заговори-

ли опять чьи-то голоса, бросая свои крики в сторону Софии, среди опять нарастающего повсюду говора.

Она ровно выпрямила свою спину, встав, озирая всё вокруг, как бесстрашный маяк, посреди самого сильного шторма. Лицо её задрожало. В глазах накопилась влага. Вот-вот по щеке должна была побежать скупая слеза, как в противоположной стороне коридора появился Миша, беззаботно рассекающий в белой полурасстёгнутой рубашке, с парочкой учебников в руке.

– О привет, – сказал он Соне, издевательски улыбнувшись.

И как раз в этот самый момент София успокоилась, лицо её окрепло и больше не дрожало. С яркими улыбками на лицах, и в полной тишине подошли они друг к другу.

– Ну что, может повторим? – спросил Миша заманчиво.

– Танго! – объявила София, подойдя к нему вплотную, положив свою ладонь ему на сердце.

Миша радостно отбросил учебники, чуть ли не выбив ими окно, что приземлились вдобавок на чью-то голову, стоящих рядом студентов. Взявшись за Сонину талию, он уже хотел было ухватиться за её руку, как получил сногсшибательный удар Сониной ступни в своё колено. Недолго думая, и изнывая от боли, Миша выпустил из рук Соню, и повалился на пол.

– Значит так, значит так, – сказала Соня спокойно, подходя к нему всё и ближе и ближе, от чего Миша начал пятиться

назад, пачкая об пол свою белую рубашку.

– Сонь ты чего... – растеряно забормотал он.

– Так значит? – нависла она над ним, наступив своим кроссовком на его мужское достоинство, – любишь, значит, девчат обижать?

– Ай, – застонал Миша, невольно стукнувшись затылком об пол, ясно понимая, что уже не уйдёт от столь оригинальной хватки, – не надо Сонь, я всё объясню.

Кто-то из пацанов, вдруг вскочил со своего места, чтобы вступить за Мишу, но и тех немногих желающих тут же обступили девчонки, кого-то просто усадив их обратно на место, а кому-то даже залепив острыми ногтями по щеке.

– Будь добр, объясни! Объясни всем, то, какой ты озабоченный кабель, и как я тебе отказала, потому что не захотела быть твоей очередной куколкой на ночь, и что всё, что ты рассказал – полный бред, никак не связанный с этим случайно выложенным видео, – сказала она, наступив посильнее.

– А-а-а, – заорал он от боли, из-за чего все рассмеялись – Да! Да! Да! Я всем соврал и всё что ты говоришь – правда! Хватит Сонь, я тебя прошу, я и так уже по щам вчера от твоих подписчиков заработал.

– Убей его, – крикнул Соне кто-то из толпы.

– Нет, – протянула она, – он жалок сам по себе, и сам себя убивает, что он мне, важен, что ли? Вот таких как он, не люблю, хотя и ко всем отношусь с уважением, – сказала она, опустив ногу на пол.

– Так ему и надо! – сказала Варя Свете шепотом, стоя неподалёку в толпе.

– Так что Мишенька – чтоб я тебя на своём горизонте больше не видела, – сказала она, подняв с пола свою сумочку, и на прощанье, в шутку отправив ему воздушный поцелуй, пошла к лестнице.

Миша тем временем попытался встать, но поскользнувшись, упал вновь. Все вокруг расхохотались от увиденного ещё сильнее. Но видимо не смог он осознать всего своего поражения, так как в следующую же секунду вскочив с пола, и схватив свой учебник, лежавший на подоконнике, попытался запустить его в Соню, что вот-вот должна была скрыться за горизонтом коридорного угла. Но и этого Мише не удалось, так как он тут же получил в поддых от рядом стоящего студента, выронив книгу из рук.

Хорошенько прокашлявшись после удара, опозоренный и осмеянный, уже слегка неуклюжий в движениях, и с недоумевающей обидой на лице, Михаил выбежал из института, получив по дороге ещё пару пинков под зад.

Лето вновь пахало на славу, как и всегда за последнее время, особенно в приморье. Неделя предстояла быть насыщенной. Ведь именно в эти столь волнующие семь дней должны были состояться сходы местных блогеров в административном центре края, в котором жила уже двадцатилетняя Со-

фия.

Неделя была расписана поровну на сходки к определённом блогеру в определённый день и в определённое время. Было понятным простое обстоятельство, почему с организаторов мероприятия и с самих блогеров не взималась плата – само уже посещение столь многочисленных фанатов приносило торговому центру небывалую прибыль и рекламу.

София приехала за неделю пораньше, и уже, как всегда обзавелась новыми друзьями и знакомствами из числа коллег. Но самым интересным молодым человеком во всей этой компании ей приглянулся некий Леонид – начинающий художник, уже несколько раз выставляющий свои работы в «Краснодарском краевом выставочном зале изобразительных искусств», что по его рассказам удалось ему с титаническим трудом и упорством.

Знакомство их, на первый день прибытия Сони в город, было довольно сухим и быстротечным, так как они оба куда-то торопились. Но уже на второй день Лёня был в относительной близости от неё. Ходил с её компанией на прогулки, и практически всё время их рисовал. В самых разных стилях, и жанрах. К примеру, он нарисовал картину о том, как Соня проливает сок на Зульфию, или о том, как Жорик ехал на велосипеде, и пытаясь не сбить Софью, нажал передний тормоз, вылетев вперёд, минуя руль, и всё же повалил её с ног, уже самим собой. За всё то время, что они провели вместе, таких подобных забавных картин вышло немало. Последняя

картина повествовала о том, как вся эта безбашенная компания, из нескольких ребят и девочек, решили выстроиться в акробатическую фигуру «Пирамиды», но в самый последний момент что-то пошло не так, и все попадали на мягкую траву газона.

– Давно рисуешь? – спросила Соня Лёню, в тот самый момент, когда они оба совершенно случайно отстали от всех остальных, идущих уже далеко впереди.

– Недавно начал. Как-то в детстве учился в художке, но тогда что-то меня это не торкнуло.

– А что изменилось?

– В смысле?

– Ну, что сейчас тебя подтолкнуло к тому, чтобы вновь начать рисовать?

– Жизнь, – легко выдохнув, ответил Лёня.

– Это не ответ.

– Я знаю, что нет. Дело не в жизни, а в её реальности. Я создаю картины для тех, кто не знает всей жизни, скрывающейся за бетонными и деревянными стенами квартир и частных домов.

– Твои картины о любви? – немного покраснев, спросила Соня.

– Нет, о ненависти и домашнем насилии.

– Но зачем...

– А затем, – перебил её Лёня, – люди должны знать, чтобы не повторять, а в каких-то случаях даже не допускать этого!

– А ты сам-то как это понял, что эта твоя тема? Своей жизнью?

– Нет! В том то и дело, что нет! У меня в семье всё было хорошо, даже отлично, и именно для таких тепличных детей как я, я и творю. Да что я тебе рассказываю, ты ведь тоже создаёшь социальные ролики, конечно же на другие немаловажные темы, но ведь ты же их делаешь тоже не для «просто так», или для хайпа. Ты вкладываешь в это душу, пытаешься сделать мир лучше, чище, хотя бы на чуть-чуть, хотя бы на каплю крови чьего-то искреннего сердца. Хотя бы одна душа спасётся благодаря моему и твоему творчеству. А если эта душа будет той, что спасёт ещё тысячи...

– Да, – протянула она, – я вижу ты очень интересный человек, тоже возможно отчасти понявший меня.

– Ты о чём?

– О том, что я «не просто так» это делаю. Однажды я уже встречала подобного человека, он тоже это понял, да только интерпретировал по-своему, используя всё это также для поставленной нами с тобой цели.

– Ты так заумно говоришь, ты случайно не про Пономарёва?

– Как ты узнал?

– Ну, он же на основе тебя рассказы пишет, подчёркивая, какая ты удивительная, открытая, но одновременно изо всех сил загадочная девушка.

– Вот это то меня слегка и смущает, пооткрывал половину

того о чём я и сама сообщила вскользь, а душу мою так и не разгадал наверно, а может и разгадал, он и сам не знает точно.

– Ну, это его дело, как не как, он нам коллега в зоне просвещения. Главное что ты свои позиции не сдаешь, материшься только иногда...

– Ну а это то тут причём?

– А при том, что тебя дети смотрят, а коль ты танцуешь, говоришь под фонограмму в тик токе, да ещё и создаёшь социальные ролики, то уж поосторожнее со сквернословием.

– Ладно, я подумаю, – согласилась она, фирменно поджав свои губки как котёнок из известного мема, – а ты где выставляешься?

– В местном краевом выставочном зале.

– Понятно, сводишь меня туда?

– Свою, если хочешь, можем в четверг, сразу после твоей сходки.

– А я вижу, ты уже знаешь, когда у меня сходка будет, – хитро улыбнувшись, заметила Соня.

– Конечно, я у организаторов уже всё расспросил. Я же рисовать тебя буду.

– Ну и отлично, рисуй. Только знаешь, мне столько моих портретом присылают, за что я конечно безмерно благодарна их авторам, но я ещё никогда не ждала ни чей рисунок так, как твой.

– Это всё потому что они тебе присылают неожиданно,

ты их не просишь, а они присылают. А что я, поданный раб искусства, всего лишь.

– Ну посмотрим, – загадочно улыбнувшись, сказала Софья, взяв его за руку, быстро потянув за собой, чтобы догнать ребят, что ушли уже довольно далеко.

Настал четверг, настала и сходка. Все как и всегда тепло обнимали Соню, брали у неё автографы, и фотографировались с ней. Когда пришло время вопросов и ответов, Соня оглядела зал, пытаясь увидеть Лёню. Тот сидел на небольшой возвышенности с рядом стоящим мольбертом. Наконец увидев его, она заметила, как и он внимательно смотрит в её сторону. В следующий же момент Лёня показал ей жестом руки «Ок», тем самым предав ей уверенности.

По окончании мероприятия, что никак не хотелось завершаться, так как к Софье приехало довольно много людей, и намного больше, чем к другим блогерам, она, наконец, пробралась через толпу к Лёне, что уже складывал свои принадлежности.

– Ты что, ничего не нарисовал? – спросила она обеспокоенно, увидев на мольберте чистый лист акварельной бумаги.

– Нет, нарисовал, просто я уже сложил твой портрет незадолго до того, как ты сюда подошла, иначе его просто бы разорвали на сувениры. Потом выйдем, я тебе его преподнесу.

День клонился к глубокому вечеру. Уже почти все разошлись. Соня, уставшая и измотанная таким насыщенным

днём, направилась к выходу, где её уже ждал Лёня.

– Ну что, вот... – сказал он, вынимая из большой папки обещанный рисунок.

– Нет, сначала выставка, – объявила София так энергично, будто к ней вновь вернулись силы.

– Хорошо-хорошо, поехали, может ещё успеем, – согласился Лёня, взглянув на часы.

Когда они вошли в выставочный зал, что вот-вот должен был закрыться, Соня ахнула от удивления. Картины в Лёнинском отделении так и пестрили всеми, что ни на есть, мерзостями домашнего насилия. Сюжеты были просты и понятны. Но насколько красиво в своей мере это было написано, и совсем не гротескно, хоть и символично.

К примеру, самая центральная композиция представляла собою следующую картину: слегка располневшая беременная женщина, замахнувшаяся ножом на растерянного художавого мужа, стоящая с ним на кухне, в разрезе спины которой сидит младенец, смотрящий в перископ соединенный с её глазами, и шлифующий небольшой тесак на точильном станке, расположенном на его коленях.

– Ну как, понравилась выставка, – спросил Леня Софью, когда они уже вышли из здания, вздыхая вечернюю свежесть отдыхающего города.

– Да, конечно, – ответила она, немного промолчав, – ты замечательный человек, хоть и знаю я тебя немного, но всё же ты понимаешь меня, насколько важно поднимать такие

острые вопросы.

– Ну что, держи свой портрет, – сказал Лёня, вновь потянувшись к папке.

– Давай проводишь меня, там и отдашь, – устало предложила Соня, на что Лёня охотно согласился.

Съёмная квартира Софы находилась довольно недалеко, и уже через полчаса они были на месте, стоя под фонарями её двора, облюбованными сверчками, что так и переговаривались, пересвистываясь друг с другом, нарушая почти уже ночную тишину.

– Я так устала, зайдёшь? – спросила Соня, зацепившись мизинчиком за ручку Лёниной папки.

– Ну если так устала, что листок бумаги уже поднять не можешь, так и быть, – сказал он искренне просто, ни на что ни намекая.

Когда они зашли в квартиру, и дверь за ними закрылась ровно на два оборота, Соня вдруг вновь ожила, будто только что проспала десять часов.

– Ты проходи, я сейчас только чайник поставлю, – прощмыгнув на кухню, прозвенела она своим голоском.

– Хорошо-хорошо, – согласился Леонид, пройдя на кухню, наконец достав своё творенье из папки, поставив портрет на барную стойку.

– Ничего себе, вот это да, – очумела Соня от увиденного, вернувшись из туалета.

На матовом листе, акварелью была изображена София в

окружении самых разных людей. Причём они не были на сцене. Это было что-то вроде речного порога, на котором располагался зелёный остров, обрамлённый молочной струёй тёплой воды, отражающий в себе яркое солнце. Идеальные рюмяна и завсегдастые веснушки нежно и приятно смотрелись на радостном лице Софии, изображённой с всё той же стильной короткой стрижкой, пышущей неотразимым лоском её волос.

– Ну как? – скромно спросил её Леонид.

– Ой, спасибо, спасибо, спасибо тебе, – чуть ли не скача от радости, кричала Соня, – у меня нет слов, это просто нечто. Ничего подобного я даже не могла представить, но ты просто чудо.

– Я рад, что тебе понравилось!

Вдруг закипел чайник, осведомив об этом чётким щелчком автоматической кнопки выключения, и Соня с Лёней сели пить чай. Довольно скоро они вновь разговорились о многом, но через некоторое время над ними опять повисло молчание.

– Знаешь, – начала София, вновь прерывая тишину, – я уже говорила, что ты особенный, и хоть мы и знакомы от силы полторы недели, таких как ты всё-таки раз-два и обчёлся... Мне такой нужен...

– Хм, ты о чём? – немного смутившись, спросил Лёня.

– Ну даже вот, взгляни на это! – встав с барного стульчика, и указав на картину, сказала Соня воодушевлённо.

– Гляжу, – сказал с уже слипающимися глазами Лёня, как вдруг Соня встала на цыпочки, медленно потянулась, расправив свои руки в стороны, и через мгновение подошла к нему вплотную.

– Видишь, – сказала она, положив свои руки ему на плечи.

– Сонь я... – вяло сказал он, как в следующую же секунду она обняла его, прислонившись к его щеке.

– Ты творишь моё счастье, – прошептала она, нежно водя своими губами по его лицу.

– Соня, не надо...

– Но я хочу, – ещё более тихим шепотом произнесла она, потянувшись своими губами к губам Леонида, от чего у того по спине побежали ледяные мурашки.

– Прости, – сказал он тихо, нежно взяв её за руки, отвернув своё лицо немного в сторону.

– Что? – в замешательстве спросила она.

– Между нами, – собираясь с духом, сказал он, – пока ничего не может быть.

– Ну почему?

– Ты взрослая девочка, и сама всё прекрасно понимаешь, что это не любовь, а лишь влечение, что любовь – что-то намного высшее. Не беспокойся, я натурал, и да, мы нравимся друг другу, но сейчас мы не приобретём счастья от этой связи, мы ещё не знаем друг друга, совсем не знаем.

Соня отпрянула от него, сев напротив, грустно взирая в пол, слегка закусив нижнюю губу.

– Я поняла, – сказала она, не отрывая взгляд от пола.

– Нет, ты не виновата, – сказал он отчаянно, пытаясь взять её за руку, которую она тут же отодвинула, – что отдалась чувствам, но я то не отдался. Должен быть кто-то, кто оставит это, пока не поздно. Сонь, ты очень хорошая, но пока, только лишь пока, я тебя не люблю, как девушку, прости.

– Нет, ты не в чём не виноват, – вдруг изменившись в лице, и даже повеселев, ответила она, посмотрев на него, – просто я всегда думала, смогу ли я сама контролировать это, но как видишь, не смогла. Хорошо ты нашёлся, кто смог мне в этом помочь, спасибо тебе, иначе сам знаешь, неизвестно, какими могли бы быть последствия.

– Как хорошо, что ты это понимаешь, – широко улыбнувшись, сказал Леонид, теперь уже по-дружески взяв Соню за руку.

Минут через десять Соня уже провожала Леонида в дверях, крепко обнимая, сказав на прощанье:

– Ты ещё приходи ко мне с ребятами, я ещё до конца месяца здесь буду.

– Хорошо, приду! Спокойной ночи! – ответил он, отходя от её двери, махая на прощанье.

– Пока-пока, спокойной ночи, – искренно улыбаясь, махала Соня ему вслед.

Без сил упав на кровать, Соня крепко уснула, проспав до самого позднего утра, когда уже само солнце заглянуло в квартиру через окно, ударив по её закрытым глазкам своим

ярким лучом.

Соня приподнялась с подушки, сладко потягиваясь. Села на край кровати, и немного потрясая головой, зевнула, оглядела комнату с лево направо и почесала затылок.

Помывшись и приведя себя в порядок, она позавтракала, оделась в что-то классическое, причесалась и накрасившись отправилась в ближайший магазин.

День опять выдался насыщенным. Возвращаясь под вечер где-то в пять часов, проходя мимо заросшей травой лужайки Соня записала новое разговорное видео:

– Ой, ну и уморительный вчера выдался денёк, даже сейчас, до сих пор, состояние такое, хоть ложись в эту траву и спи.

Вдруг на телефон поступило сообщение. Как ни странно писал Анатолий, – «Привет Сонь, хотел узнать как у тебя дела, может, увидимся, поговорим. Нет, я как бы ни на что не намекаю, ты не подумай, просто мы же всё-таки остались друзьями. И я тут подумал, давай, как друзья встретимся, и продолжим наше, чисто дружеское, общение. Только если ты, конечно, хочешь, но если не хочешь не надо, можем и не встречаться».

Когда София полностью прочитала это сообщение, на её губах невольно пробилась незабываемая улыбка, обращённая вдаль, в вечернее небо и яркое солнце, греющее нежным светом своим её молодое лицо.